

Наконец, следует упомянуть о возможном соответствии «основы» *avka-* первого карийского слова и основы лидийского прилагательного *avka-* (в сочетании *avka-v etam-v*<sup>26</sup>). Исходный формант *-ñs* этого образования можно сопоставить с соответствующими формантами в лидийском и этрусском языках.

Можно предложить следующую интерпретацию египетско-карийской надписи: «Исида, дай, чтобы жил Авканс; Слара-это [сдел]ал».

В. В. Шесорошкин

ленных словечком *ue*, следует имя в форме на *-t* (то же имя встречается и в «генитиве») и слово *sava* (видимо, включающее тот же корень, что и лид. *sav-*, *savēnt*, представленный также в др. инд. *su-* «добро, хорошо»; возможно, кар., *sava* представляет собой глагольную форму на *-a*.

<sup>26</sup> «Номинатив» *etam-ś*. По мнению А. Хойбека, это лидийское слово означало «Bestimmung» (а не «Name» и т. д.); см. А. Heubeck, *Lydiaka. Untersuchungen zu Schrift, Sprache und Götternamen der Lyder*, Erlangen, 1959, стр. 67.

## О МАЛОИЗУЧЕННЫХ ИЛИ УТРАЧЕННЫХ ГРЕЧЕСКИХ И ЛАТИНСКИХ НАДПИСЯХ ЗАКАВКАЗЬЯ

### 1. Авроманские греческие пергаменты и их значение для социальной истории южнокавказских областей эпохи позднего эллинизма

В 1909 г. в иранском Курдистане, к югу от оз. Урмия, близ г. Авромана, местным жителем были обнаружены в каменном сосуде древние документы на пергаменте. Три из них попали затем в Британский музей и были опубликованы Э. Миннзом<sup>1</sup> с пространственным комментарием, выясняющим их историческое значение. Два из этих трех документов (сохранившихся в двух экземплярах, содержащих, однако, весьма существенные разночтения) являются контрактами о продаже или аренде виноградников в местности *Δαβζαχουράς* от 225 и 291 гг. селевкидской (или, может быть, аршакидской) эры. В первом случае документы относятся соответственно к 88/87 и 22/21 гг. до н. э., т. е. к эпохе расцвета Парфянского и Армянского царств, находившихся в то время в тесном союзе, закреплённом, как это явствует из первого документа, женитьбой Аршака (Митридата II) на дочери Тиграна II<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> E. H. Minns, *Parchments of the Parthian Period from Avroman in Kurdistan*, JHS, XXXV, 1915, стр. 22 слл.

<sup>2</sup> Э. Миннз, а за ним и Н. Дебевоиз (N. C. Debevoise, *A Political History of Parthia*, Chicago, 1938, стр. 47, прим. 70) считают, впрочем не без колебаний, что речь идет именно о селевкидской эре. Мне кажется, что наиболее существенным соображением при решении этого вопроса является упоминание дочери Тиграна II в числе жен Митридата II парфянского; женитьба эта могла иметь место до начала войны Тиграна II с Парфией, т. е. до 88 г. до н. э. (ср. Я. А. Манандян, *Тигран II и Рим*, Ереван, 1943, стр. 47). Напротив, Ростовцев (M. Rostovtzeff and C. B. Welles, *A Parchment Contract of Loan from Dura Europos on the Euphrates*, YCS, II, 1934, стр. 3 сл.) при рассмотрении авроманских пергаментов склоняется к аршакидской эре, однако без вполне убедительных оснований, главным образом потому, что в публикуемом им контракте (см. ниже) аршакидская дата стоит на первом месте.

Третий документ является не греческим, а пехлевийским. Он был специально рассмотрен А. Каули, Г. Нибергом, Э. Герцфельдом<sup>3</sup> и в недавнее время Ф. Альтхеймом<sup>4</sup>, установившими, несмотря на сильно испорченный текст, не позволяющий воссоздать сколько-нибудь последовательного чтения, что это также юридический документ о купле или об аренде за 55 драхм виноградника в той же самой местности (Zzbkn), что и названная в греческих документах.

Большая работа, сделанная Миннзом и другими комментаторами над текстом греческих документов, позволяет нам предложить читателю их русский перевод с той оговоркой, что он не воссоздает всех разночтений в текстах А и В I и II контрактов, являясь в известном смысле выборочным<sup>5</sup>.

# I

«В царствование царя царей Арцака, благодетеля, справедливого, явленного бога<sup>6</sup> и филэллина, и цариц: Сиаки, сестры его по отцу (ἡμοπατρίας) и жены, и Ариазаты, прозванной Автома, дочери великого царя Тиграна и его жены, и Азаты, сестры его по отцу и жены, в год 225, в месяц Апеллей, в эпархии Байсейре<sup>7</sup>, близ статма (σταθμός) Байтрабата, в селении Копаниде, перед нижепоименованными свидетелями признано и записано, что Барак (Βαράκης) и Собен (Σοβήνης), сыновья Майфорра (Μαυφόρρος), получили от Гатака, сына Ойпата (Γαθακῆς ὁ Οἰπάτου), в чеканной монете 30<sup>8</sup> драхм в уплату за виноградник, расположенный в селении Копаниде (Κόπανις), под названием Δαβζακινράς<sup>9</sup>, его собственную долю, принадлежащую ему от совладельцев, с водой и с плодовыми насаждениями, с правом входа и выхода (εἰσόδῳ καὶ ἐξόδῳ) и со всем, что к нему относится. Одной частью владеет Барак, а другой — Гатак с условием, что, вступив во владение, названный Гатак сохранит оплаченный деньгами виноградник на все время, он и его потомки, исполняя ежегодно записанное в старой грамоте (ἐν τῇ παλαιᾷ συγγραφῇ) все и полностью, и да не будет правомочен Барак, ни его брат, ни его потомки (ни потомки его брата), ни кто бы то ни было, владевший от них этим виноградником, изгнать Гатака или его потомков из оплаченного им виноградника или, если бы кто-либо захотел лишить его владения, а он<sup>10</sup> не поддержал его и не избавил от претендента, (то он) теряет свои права и платит вдвое против полученного и сверх того 200 драхм и царю столько же. Соответственно, если Гатак запустит виноградник и не будет его обрабатывать, он должен уплатить столько же. И он должен получать воду через семь дней полдня и полночи (так же как и совладельцы). Поручительство и ответственность несут (Барак и Собен), Хостроес и Апак. Свидетели: Денобаз, Мейридат, Охобаз, Гистобог, Фраат сын Сикинема, Орпидат. И Гатак должен дать Бараку «на сапоги» (ἐν ζῶδρον) 1 драхму, 35 (?) мяса, 50 корзин хлеба, 8 быков, 2 котилы вина. И Барак даст Гатаку из виноградной давилки сусло и вижимки.»

<sup>3</sup> A. C a w l e y, The Pahlavi Document from Avroman, «Journal of Asiatic Society», 1919, стр. 147 сл.; H. S. N y b e r g, «Le monde oriental», 17 (1923), стр. 182 сл.; E. H e r z f e l d, Paikuli, B., 1924, стр. 83 сл.

<sup>4</sup> F. A l t h e i m und R. S t i e h l, Supplementum aramaicum. Aramäisches aus Iran, Baden-Baden, 1957, стр. 64 сл. Альтхейм, в частности, полагает на основании наличия в тексте иранского наименования месяца Harvatat (обстоятельство, с нашей точки зрения не вполне убедительное), что читаемая в пехлевийском контракте дата (300 г.) является годом аршакидской эры (соответствующим 53 г. н. э.). По селевкидской эре, представленной повсеместно в парфянской нумизматике и эпиграфике, этот контракт относился бы к 11 г. до н. э.

<sup>5</sup> Адекватные подлинникам переводы на английский язык читатель найдет в публикации Миннза, стр. 31 сл.

<sup>6</sup> В тексте ἐπιφανούς — эпитет, раскрываемый у Ростовцева и Уэллса (ук. соч., стр. 8), как имеющий непосредственное отношение к царскому культу.

<sup>7</sup> В копии Баспраора.

<sup>8</sup> В копии исправлено на 40.

<sup>9</sup> В копии Γαζάκη.

<sup>10</sup> Т. е., видимо, совладелец Барак.

## II

«В царствование царя царей Аршака, благодетеля, справедливого, явленного бо-га и филэллина, и цариц: Оленейры, Клеопатры, Базейрты и Биетейбананы, в год 291, в эпархии Басприора, близ статма Десагиды, в селении Кофаниде (Κοφάνις), при нижепоименованных свидетелях признано и записано, что Аспомак, сын Гаака, получил от Донета, сына Гатака, 55 драхм серебром и дал ему землю под виноградник (ἐν ψ[ε]ίλω[ς] ὄρει ἀμπέλων) в местности, называемой Дабдакабаг, с (правом) входа и выхода и с водой для пользования с совладельцами. Границы и соседство с совладельцами с восточной стороны как в старой грамоте. Он должен платить ежегодно «на сапоги» <sup>11</sup> 1 драхму, 2 котилы вина, 21 каравай хлеба, 5 быков, 2 (?) ячменя. Поручительство представил Астат, сын Даргена, который явился и объявил о закладе, подлежащем оплате продавцом и поручителем, если кто-либо заявит претензии на проданный виноградник; если же он <sup>12</sup> не будет держать виноградник и расторгнет (договор), то должен уплатить без суда 200 драхм и столько же в царскую казну. Свидетели: Арамазд, сын Иодабохта, Мирадат, сын Мирабандака, Герик, сын Ардена.»

Значение этих документов заключается прежде всего в том, что они свидетельствуют о весьма глубоком проникновении греческого языка и письменности в парфянский быт и в этом смысле не менее показательны, чем греческие надписи из Армавира (Армения) <sup>13</sup>, находящие себе известные параллели в греко-парфянской эпиграфике из Суз <sup>14</sup>. Но если армавирские и сузианские эпиграфические памятники дают представление об эллинизации армяно-парфянской общественной верхушки, то авроманские тексты показывают, что эллинизм проникал также и в низы парфянского общества и при этом в той части Парфянского царства, которая примыкала к Южному Закавказью, связанному с культурной и политической жизнью парфянского мира.

Обращает на себя внимание и весьма поразительное сходство парфянских документов, в смысле юридической терминологии и норм, с соответствующими папирологическими документами эллинистического Египта, заставляющее предполагать аналогии также и в области политической и хозяйственной жизни. В частности, напрашиваются известные сравнения в области земельных отношений, для Египта в значительной степени выясненных в ряде работ по сельскохозяйственной истории эллинистическо-римского периода, установивших условный характер египетского землевладения и зависимый (т. е. в широком смысле слова — рабский) характер применявшегося для обработки земли труда <sup>15</sup>.

Впрочем, как будет показано ниже, общая с греко-египетской юридическая терминология авроманских документов подразумевает иногда реальные отношения, специфичные для древнего Ирана.

Документы определяют достаточно точно географическое положение виноградника (или участка земли, отводимого под виноградник), называя селение, близ которого он расположен (Копаниду или Кофаниду), ближайшую дорожную станцию (σταθμός) Байтрабата, являющуюся, вероятно, также и административным пунктом, эпархию (или гипархию — ὑπαρχία) — часть сатрапии, или удела, Парфянского

<sup>11</sup> Λ — σκέλος, Β — ἑμβάθρου.

<sup>12</sup> Т. е. арендатор.

<sup>13</sup> А. И. Болтунова, Греческие надписи Армавира, «Изв. Армян. фил. АН СССР», 1942, № 1—2, стр. 35 сл.

<sup>14</sup> F. Cumont, Nouvelles inscriptions grecques de Suse, CRAI, 1930, стр. 208 сл.

<sup>15</sup> Отмеченные характерные черты античного землевладения, с особенной отчетливостью проявившиеся в эллинистическо-римском Египте, были в значительной мере понятны уже М. И. Ростовцеву (Studien zur Geschichte des römischen Kolonates, Lpz — В., 1910, стр. 39 сл., 73 сл. и др.). Их не менее конкретно и отчетливо представили М. Бебер (Agrarverhältnisse des Altertums, Gesammelte Aufsätze zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, Tübingen, 1924, стр. 162 сл.) и О. О. Крюгер (Сельскохозяйственное производство в эллинистическом Египте, ИГАИМК, № 108, Л., 1934, в особенности стр. 106 сл.). Наиболее обширный и яркий материал содержится в книге К. К. Зельина (Исследования по истории земельных отношений в эллинистическом Египте II—I вв. до н. э. М., 1960, в особенности стр. 104 сл., 302 сл. и др.).

царства<sup>16</sup>. Правда, в документах не отмечены размеры и границы самого участка земли, а упомянуты лишь безыменные совладельцы (σύνκληροι), перечисленные в некоей «старинной грамоте» (παλαιὰ συγγραφή), в которой, видимо, были указаны размеры, границы и порядок владения земельными участками для всех совладельцев вместе. Обстоятельство это следует признать весьма существенным при суждении о характере собственности, с которой мы в данном случае имеем дело: поскольку участки не имеют определенных и точно фиксированных границ, вряд ли может идти речь о чьей-либо личной собственности на них в современном смысле этого понятия. Быть может, следовало бы предположить, что это деградировавшая общинная собственность. Этому противоречит, однако, анализ личных имен, упомянутых в документах: одни из них иранские, другие же семитические<sup>17</sup>, свидетельствующие о том, что перед нами некая смешанная этническая среда, возникшая, быть может, еще при Селевкидах, наделавших по ахеменидскому образцу земель своих воинов, набранных из всего многонационального царства. Потомки этих селевкидских поселенцев, вероятно, и были упомянутыми в авроманских документах «совладельцами», права и обязанности которых были определены в «старинной грамоте»<sup>18</sup>.

Л. Миттейс<sup>19</sup> рассматривает первый из авроманских контрактов как договор о покупке, второй же — как договор о наследственной аренде виноградника, так как во втором документе содержится перечисление всего того, что лицо, приобретающее участок, обязуется «ежегодно и навечно» (αἰεὶ κατ' ἐνιαυτόν) выплачивать его владельцу в качестве денежной и натуральной ренты, называемой в тексте σκῆλος.

Следует, однако, обратить внимание на то, что в первом контракте та же самая рента фигурирует в конце документа под наименованием ἐμβάθρον, соответствующим по смыслу понятию σκῆλος, а то и другое находится, видимо, в соответствии с выражением, которое приводит Геродот (II, 98), сообщая об ахеменидском обычае отдавать царские земли приближенным, обязываемым при этом выплачивать натуральную ренту под названием εἰς ἀργύρια, т. е. «на сапоги».

Таким образом, сквозь эллинистическую юридическую форму проглядывает достаточно древний и примитивный обычай, установившийся, быть может, при Ахеменидах и удержавшийся в Парфянском царстве. Этому не приходится удивляться: социальная структура царства Аршакидов в существенных чертах повторяла значительно более древние установления: царь — племенные вожди — старейшины родов или родовых объединений, которых греки называли скептухами (σκηπτοῦχοι) — наименование, применявшееся Страбоном и Аррианом также к вождям племенных делений иберов и геттохосов на Кавказе<sup>20</sup>. В одной из греко-парфянских метрических надписей, найденных во время французских раскопок 1930 г. в Сузе, в чем-то перекликающейся с некоторыми надписями из Армавира и датированной первой половиной I в. до н. э., прославляется некий верный Фраату<sup>21</sup> Замасп, избранный царем как раз из числа скептухов.

<sup>16</sup> Rostovtzeff and Welles, ук. соч., стр. 43.

<sup>17</sup> Ср. Minns, ук. соч., стр. 43, а также Altheim und Stiehl, ук. соч., стр. 66.

<sup>18</sup> М. М. Дьяконов (Очерки истории древнего Ирана, М., 1961, стр. 202 сл.), предлагающий весьма близкое нашему истолкование авроманских документов и показывающий, что свобода парфянского земледельца была довольно ограничена, а владение земельным участком вменялось в качестве государственной повинности, полагает все же, что авроманские документы имеют в виду «крестьян-общинников». Сообщение о разнородности этой «общины» оставлено было им, однако, без внимания.

<sup>19</sup> L. Mitteis, Zwei griechische Rechtsurkunden aus Kurdistan, «Zeitschrift der Savigny — Stiftung für Rechtsgeschichte», 36, 1915, стр. 425 сл.

<sup>20</sup> Strabo, XI, 2, 13; ср. Arr., Peripl. P. Eux., 15.

<sup>21</sup> Как полагает издатель, Фраат IV, преемник Орода на парфянском престоле (Cumont, ук. соч., стр. 210).

Явление, отмеченное Геродотом (IV, 20) для Скифии, а именно, тот факт, что царские скифы, т. е. племя, из которого избирался общескифский царь, почитало всех прочих скифов своими рабами, в какой-то мере действительно и для родственных скифам парфян: греческие и латинские авторы единодушно отмечали почти поголовное рабство у парфян<sup>22</sup>. Разумеется, речь в данном случае может идти не о классической форме рабства, но лишь об определенной внеэкономической зависимости традиционного порядка.

Не было бы поэтому ничего удивительного, если бы покупатели-арендаторы, фигурирующие в авроманских документах, оказались бы не арендаторами в современном смысле слова, а подневольными людьми, вынужденными принимать на себя известные юридические и экономические обязательства. На эту мысль наводит наличие поручителя (βεβαιωτής), гарантирующего выполнение авроманским арендатором своих обязательств, и крупной пени, уплачиваемой последним «собственнику» (М. М. Дьяконов на стр. 203 вышеуказанной работы полагает, что эту часть штрафа получает община) и царской казне в случае невыполнения им своих обязательств. Совершенно ясно во всяком случае, что в лице этого арендатора перед нами предстает фактический исполнитель (по отношению к высшим и низшим владельцам или держателям) обязательств, лежащих на данном участке земли, зафиксированных в «старинной грамоте». Быть может, и в авроманских документах речь идет об отношениях, засвидетельствованных документально в позднееллинистическом Египте на императорских землях (γεωργία βασιλικῆς γῆς) и определяемых современной наукой в качестве «принудительной наследственной аренды» (ἐπιβολή)<sup>23</sup>.

Сходные юридические условия мы находим и в чрезвычайно интересном договоре из Дура Эвропос<sup>24</sup>, в котором Фраат, внук правителя Месопотамии и Паропотамии, ссужая 400 драхм некоему Барлааю (Βαρλάας), судя по имени — арабу, договаривается об исполнении им за проценты от ссуды «рабских обязанностей» (δοῦλικὰς χρεῖας). При невозможности погашения ссуды эти неизвестно в чем конкретно заключавшиеся рабские обязанности могли стать перманентными, а уклонение от их исполнения накладывало на Барлааю пеню в пользу заимодавца и казны, соответствовавшую по юридическому смыслу пене, налагавшейся на арендатора из авроманских контрактов в случае его уклонения от исполнения договорных обязательств.

Рассмотренные факты помогают нам, таким образом, распознать весьма существенные черты социально-экономического строя не только древней Парфии, но и тесно связанных с ней культурно и политически областей Кавказа.

## 2. О надписи Флавия Арриана

В 1907 г. М. И. Ростовцев опубликовал фрагмент латинской надписи, найденный А. А. Чернявским в Сухуми<sup>25</sup>. Хотя надпись сильно фрагментирована — от нее со-

<sup>22</sup> Plut., Crass., 21; Fl. Jos., Ant. Jud., XVIII, 353.

<sup>23</sup> Р. М. Мейер, Juristische Papyri, В., 1920, стр. 193 сл., № 58; ср. О. О. Крюгер, ук. соч., стр. 108 сл. Не следует упускать из вида и еще одну весьма существенную деталь взаимоотношений «совладельцев» земли, выраженную в последней фразе документа I: из нее следует, что давяльня для винограда находится у первоначального владельца участка, виноград же с участка арендатора — и это, видимо, само собой разумеется — поступает к нему для переработки, а сусло (для изготовления вина) и жмыхи (для прокорма скота) он возвращает арендатору также, должно быть, лишь в некоей определенной традицией пропорции. Сходные условия в близкое время существовали на виноградных и масличных плантациях Северной Сирии, где давяльни и маслобойни имелись лишь у владельцев крупных участков, которым мелкие «соседи» обязаны были своим урожаем и физическим трудом. См. G. Tchalenko, Villages antiques de la Syrie du Nord, I, P., 1953, стр. 407 сл.

<sup>24</sup> Rostovtzeff and Welles, ук. соч., стр. 3 сл.

<sup>25</sup> М. И. Ростовцев, Надпись из Сухума, ЗООИД, XXVII, 1907, прилож. к 365 зас., стр. 5 сл. Позднее Ростовцев переиздал ее по новой фотографии в ИАК, 33, 1909, табл. 1, стр. 12.

хранились всего лишь незначительные остатки трех нижних строк, — по содержанию своему она имеет для древней истории Кавказа первостепенный интерес, подтверждая (если правильно ее восстановление, предложенное еще Чернявским и принятое Ростовцевым) истинность обстоятельств, изложенных в Арриановом «Перипле Эвксинского Понта». На камне читается:

HADR  
PER·FL·A  
LEG

Имя в первой строке Ростовцев восстанавливал как имя императора Адриана (или Антонина Пия, тоже сохранявшего имя Адриан в своей титулатуре). Имя, читающееся во второй строке, он без особенных колебаний восстановил как имя Флавия Арриана, известного писателя и проконсула Каппадокии в 30-е гг. II в. н. э. Впрочем, Ростовцев оговаривается, что FL·A... могло быть именем и какого-либо римского центуриона; в этом случае слово LEG, стоящее в третьей строке, должно было бы восстанавливаться не leg[atum] p[ro] p[raetore], а leg[ionis]. Последнее, однако, маловероятно, потому что если бы это действительно было имя центуриона, то перед LEG был бы не разъединительный листик аканта, а значок <, символизирующий слово «центурион» в латинских надписях. Кроме того, написание имени Арриана не имеет вариантов в латинской и греческой литературе и эпиграфике, а всякий раз звучит именно Флавий Арриан<sup>26</sup>.

М. И. Ростовцев совершенно резонно связывал надпись с обстоятельствами, описанными Аррианом в «Перипле Эвксинского Понта», и выдвинул предположение о том, что по своему содержанию она относится скорее всего к разряду «строительных». Действительно, во время поездки вдоль побережья Кавказа основной заботой Арриана было укрепление расположенных здесь лагерей и инспекция военных сил римских гарнизонов (в Ансаре, Фасисе и Севастополисе — *Peripl. P. Eux.*, 4 сл.).

Сухумская надпись, следовательно, сообщала, вероятнее всего, о том, что Флавий Арриан, легат императора Адриана, укрепил римский военный лагерь в Севастополисе. Подобных надписей о постройке или укреплении крепостей и лагерей в разных концах римского мира имеется немалое количество, и все они более или менее стереотипны, что несомненно облегчает и восстановление сухумской надписи Флавия Арриана. Однако для ее более или менее точного восстановления, как, впрочем, и для других, связанных с этой надписью проблем, весьма существенное значение приобретает ее дата. В каком году Флавий Арриан совершил свое плавание вдоль Кавказского побережья, каким годом должен быть датирован его перипл и в каком, следовательно, году могла появиться эта надпись?

Из сообщения Диона Кассия (LXIX, 15, 2) явствует, что Арриан в бытность правителем Каппадокии организовал защиту этой провинции и прилежащих областей от нападений аланов, грабивших Армению и Каппадокию при попустительстве иберийского царя Фарасмана II (см. ниже). Эта деятельность Арриана стала настолько популярной в древней исторической литературе, — вероятно, в первую очередь за счет его же собственных сочинений, — что упоминания о ней содержатся даже и у ранневизантийского писателя Иоанна Лиды (*Lyd., De magistr.*, III, 53), восхищающегося столь счастливым соединением в одном лице военно-административных и литературных талантов.

Дион рассказывает о борьбе с аланами, как о происходившей после ликвидации иудейского восстания, подавленного римлянами в 133—134 гг. Но времени между этой датой и 138 г., когда еще при жизни императора Адриана управителем Каппадокии был уже Л. Барбулей Опат Лигариан<sup>27</sup>, и должна быть отнесена деятельность Арриана по обороне Каппадокии от аланов. При этом представляется несомненным, что и поездка на Кавказ была предпринята им именно в связи с этими оборонными меро-

<sup>26</sup> E. Groag et A. Stein, *PIR*, III, 1933, стр. 137 сл., № 219.

<sup>27</sup> Ср. H. Dessau, *PIR*, II, 1897, стр. 64 и 154.



неиберийского царя Фарасмана, посетившего, по свидетельству Диона Кассия (LXIX, 15, 2) и Юлия Капитолина (Vita Pii, 9, 6), Рим вместе со своей женой и сыном, после того как он гордо отказался (*superbe neglexerit*) это сделать около 130 г. н. э. (SHA, Ael. Spart., Vita Hadr., 13, 9; ср. 21, 13).

О каком именно (по счету) Фарасмане идет речь у вышеназванных древних авторов и в данном эпиграфическом отрывке? Поскольку свидетельство Юлия Капитолина о посещении Фарасманом Рима относится к царствованию Антонина Пия, Т. Моммзен<sup>32</sup>, а за ним и Д. Меджи<sup>33</sup> приурочили к этому царствованию и отрывок из кн. 69 Диона Кассия, в котором также говорится о посещении Фарасманом с женой и сыном Рима. Следовало бы поэтому считать (как это делает Нессельгауф), что речь идет о Фарасмане III, годы царствования которого отчасти совпадают с годами правления Антонина Пия, а не о Фарасмане II Квелу (Отважном) — современнике и контрагенте императора Адриана. Однако, кроме немногих строк Юлия Капитолина, в древней литературе нет более никаких прямых данных об отношениях императора Антонина Пия с царем иберов Фарасманом, тогда как к царствованию Адриана относится целый ряд таких свидетельств. В частности, о Фарасмане II упоминает в «Перипле Эвксинского Понта» (гл. 15) греческий писатель и римский провинциальный администратор Флавий Арриан, который предпринял около 130 г. военные действия против аланов, вторгшихся в Армению и Каппадокию по наущению этого Фарасмана (Dio, LXIX, 15, 1—2). По жалобе парфянского царя Вологеза II дело Фарасмана разбиралось в римском сенате и было окончено, по-видимому, в его пользу, насколько можно судить по недостаточно ясному тексту Диона Кассия (там же). О политических взаимоотношениях и обмене дарами между Адрианом и Фарасманом II сообщает в нескольких местах Элий Спартиан (Vita Hadr., 13, 19; 17, 11; 21, 13). Итак, видимо, можно предположить, что свидетельство Юлия Капитолина относится к тому же Фарасману II Квелу, поездка которого в Рим должна быть датирована первыми годами царствования Антонина Пия<sup>34</sup>. Что это был тот же самый Фарасман, который являлся контрагентом императора Адриана, следует заключить из слов Спартиана о том, будто Фарасман получил от Антонина Пия больше, чем от Адриана (Vita Pii, 9, 6), хотя, конечно, в уме римского историка могли слиться воедино два иберийских царя, носивших одно и то же имя.

Нессельгауф, следуя за Моммзеном и другими, также относит поездку Фарасмана в Рим ко времени Антонина Пия и при этом, быть может, даже к средним, а не к начальным годам его правления. Передвигать вперед это событие (и, следовательно, относить его поэтому к Фарасману III) заставляет Нессельгауфа наличие в публикуемом им отрывке имени Fabianus, в котором он предполагает когномен одного из консулов того года, когда Фарасман прибыл в Рим. Не найдя подходящего имени в консульских фастах, он угадывает в нем Люция Анния Фабиана, бывшего между 135—167 гг. преторским легатом в Дакнии — должность, служившая ступенью к консульству. Думается, однако, что в двух именах, частично сохранившихся в двух первых строках надписи, следует видеть скорее не консулов, а остийских эпонимных магистратов — *duoviri censoria potestate*, имена которых в других сохранившихся отрывках остийских фастов следовали за именами римских консулов<sup>35</sup>.

Далее, Нессельгауф в обрывке собственного имени Phr... видит начало имени жены Фарасмана. Нам представляется более вероятным видеть в нем начало имени самого царя, чему отнюдь не препятствует написание его в форме Pharasmanes одной строкой выше. Дело в том, что написание имени Фарасман в древности колебалось иногда в пределах одного и того же текста. В то время как в грузинских летописях (ср.

<sup>32</sup> Th. Mommsen, Römische Geschichte, V, 5 изд., B., 1904, стр. 403 сл.

<sup>33</sup> D. Magie, Roman Rule in Asia Minor, Princeton, 1950, стр. 651.

<sup>34</sup> Ср. P. de Rohden et H. Dessau, PIR, III, 1898, стр. 22, № 250, где царствование Фарасмана II датируется 113—140 гг. н. э.

<sup>35</sup> Ср. CIL, XIV, 245; Dessau, ILS, 6126.



ὁ κύριος Ἑρμῆν  
 Μερκούριον  
 ὑπὲρ σωτη-  
 ρίας

всемогущему Гермесу  
 Меркурию  
 о спасении  
 (души)»

Издательница надписи видит в ней посвящение Гермесу-Меркурию, богу торговли. Однако значение этого божества на греческом Востоке в позднеримское время, к которому несомненно относится надпись, было совершенно другим. Нахождение ее на предмете, вероятно, принадлежащем погребальному или культовому инвентарю, наличие между второй и третьей строками надписи трех грубо оттиснутых изображений солнечного диска с лучами и самая формула надписи заставляют предполагать, что мы имеем дело со знаменитым Гермесом Трисмегистом, культ которого начиная со II в. н. э. из Египта распространился по Римской империи и сделался, наряду с митраизмом и культом безыменного θεὸς ὑψίστος, одним из важнейших соперников раннего христианства.

Палеографические особенности надписи, хотя и исполненной довольно неряшливо, сближают ее с памятниками греческой эпиграфики середины IV в. н. э., существенной особенностью которых является приближение их шрифта к рукописным шрифтам того времени, а в данном случае, например, к шрифту ватиканского кодекса греческой Библии, датированного 60 гг. IV в. В особенности характерно написание литер ε, ρ, υ и ω.

Слова, входящие в состав начертанной на светильнике религиозной формулы, звучащей как молитва, заимствованы из соответствующего ритуального лексикона. Об этом свидетельствует ряд посвячительных надписей Гермесу из храма этого бога в Нубии (Пселх), относящихся ко времени последних Птолемеев и к первым столетиям Римской империи<sup>42</sup>. Формула этих votивных надписей содержит во всех случаях термин προσκύνῃα, который, по-видимому, следует понимать расширительно, в смысле всей церемонии, совершавшейся в честь Гермеса и закреплявшейся постановкой votивной стелы с надписью. Почти во всех случаях присутствует в этих надписях эпитет Гермеса κύριος. Среди надписей Пселха особенно любопытно в историко-религиозном отношении посвящение перодула Асклеппада<sup>43</sup>: Ἀσκληπιάδου ἱεροδοούλου τὸ προσκύνῃα ὅδε παρὰ τῷ κυρίῳ Ἑρμῇ. Асклеппад, быть может, вовсе не был храмовым рабом, а называет себя перодулом в позднейшем «христианском» смысле, в значении «раб божий»<sup>44</sup>.

Глагол πεῖράω в смысле «предпринимать», «совершать», «приступать» вообще нередок в языке египетских эллинистических папирусов<sup>45</sup>. В связи же с Гермесом мы находим его уже в гомеровском гимне в честь Гермеса<sup>46</sup>. Глагол этот часто встречается и в раннехристианской литературе<sup>47</sup>. Глагол προσκύνω в смысле поклонения божеству в классическое время употреблялся главным образом применительно к восточным культам (поскольку речь шла о простирании ниц — Plato, Leg., X, 887 e). В раннехристианские времена мы его встречаем в таком же смысле как в гражданской литературе (применительно к христианам<sup>48</sup>), так и у церковно-христианских писателей<sup>49</sup>.

Культовое наименование Гермеса Μερκούριος в позднее время в греческой части империи засвидетельствовано эпиграфически (CIG, II, 3705), однако сочетание греческого и латинского имен, как в надписи на сухумском светильнике, является уникальным. Весьма любопытна и искаженная форма латинского имени божества; напраши-

<sup>42</sup> OGIS, I, №№ 202 — 209, стр. 311.

<sup>43</sup> Там же, № 203 (на стр. 312).

<sup>44</sup> Ср. G. Cardinali, Note di terminologia epigrafica, Rend. Linc., XVI (1908), № 1—3, стр. 175.

<sup>45</sup> F. Preisigke, Wörterbuch der griech. Papyrusurkunden, II, B., 1927, стр. 283.

<sup>46</sup> Hom. hymn. ad Merc., 175 — πεῖρῃω.

<sup>47</sup> Just. martyr., Dial. c. Thryph. Jud., 117,7: ἀπατᾶν πεῖρᾶσθε — «совершать обман».

<sup>48</sup> Acta proconsul., 7.

<sup>49</sup> Dionys. Alex., Ep. ad German., passim; Euseb., Hist. eccl., 7, 11, 8 сл.

вается сопоставление ее с *μάρτυρος* — прилагательным, употреблявшимся в раннехристианском и близких ему культах в качестве эпитета к *ὁ θεός* в смысле «истинный бог».

Эпитет *χρῖος* также является довольно обычным как для Христа, так и для других мистических божеств. Герметическая литература содержит, в частности, еще такие эпитеты, как *ποιμανδρῆς*, *κρισφόρος*, встречающиеся и в раннехристианских сочинениях.

О том, что выражение *ὁπὲρ σωτηρίας* следует понимать в специфическом смысле, как загробное спасение души, позволяет думать настойчивое представление герметической литературы о Гермесе, как о боге, обеспечивающем бессмертие (*ἀθανασία*, Herm., XII, 12) и загробное блаженство (XII, 4с: *ἀπὸ τῆς μακαρίας μετὰ θεῶν πολιτείας*), помогающем душам умерших причалить к гавани спасения (VII, 1 сл.: *ἐνορμίζεσθαι τοῖς τῆς σωτηρίας λιμέσι*). К этому же кругу представлений относятся и такие эпитеты Гермеса, как *ψυχοπομπός* и *ψυχοταμίας* (Stob., I, 464, 1).

Что касается трех изображений солнца в лучах на светильнике между второй и третьей строками надписи, то и они должны быть включены в этот же круг представлений. Герметическая литература говорит о солнце, как о видимой ипостаси создающего божества<sup>50</sup> (Гермеса). В качестве солнца он создает все живое и управляет душами (*ὁ ἥλιος δημιουργεῖ τὰ ζῶα καὶ γεννᾷ τὰ φυτὰ καὶ τῶν πνευμάτων πρотаγεύει* — Stob., I, 293, 21). Эти последние ассоциации заставляют припомнить еще об одной надписи середины IV в. из Трира, содержащей стихотворное посвящение Гермесу. Автором этой надписи издатель ее Р. Герцог<sup>50</sup> убедительно считает самого императора Юлиана — активного противника христианства, развивавшего в то же время близкие к христианству религиозно-философские идеи.

Таким образом, в надписи на сухумском светильнике можно видеть ритуальный текст (молитву), обращенный к божеству, являвшемуся предметом культа, близкого раннему христианству. Тем интереснее подобная находка на Кавказе, где она является пока что редчайшим эпиграфическим документом, свидетельствующим о распространении в местной грецизированной среде представлений и верований, соперничавших с христианством. Эта особенность несколько сближает ее с еще одним эпиграфическим памятником позднеантичного Кавказа, о котором будет идти речь ниже.

Впрочем, быть может, она уже и не столь уникальна. Тот же М. М. Трапш два года тому назад обнаружил в одном из погребений могильника Цебельды (в двух десятках км от Сухуми, на берегу р. Кодора) серебряный медальон (см. его статью «Тайны древней земли» в газете «Советская Абхазия», № 253 от 28 декабря 1963 г.). На медальоне изображена голова Горгоны, на лбу у которой — два соединенных узлом птичьих крыла. Перья крыльев представляют собой параллельные прямые линии, как и у грифона на раннесредневековом рельефе Стамбульского музея<sup>51</sup>. Подобный горгонеион изображен на позднеэллинистическом серебряном фаларе<sup>52</sup>, найденном также близ Сухуми А. А. Лукиным в 1936 г. На цебельдинском медальоне вокруг горгонеиона — греческая надпись: *Εἰς θεός ὁ βοηθῶν τῷ φέροντι* «единый бог, помогающий приносящему». Она встречается широкие аналогии по всему Средиземноморью<sup>53</sup> и наиболее близкие в Сирии (Антиохия)<sup>54</sup>. Две из трех указанных надписей с упоминанием *εἰς θεός* датируются 374 и 398 гг. н. э. Примерно к этому же времени от-

<sup>50</sup> R. Herzog, Zwei griechische Gedichte des 4. Jahrh. aus St. Maximin in Trier «Trier Zeitschrift für Geschichte und Kunst», 1937, № 2, стр. 121 сл. См. также «Новые документы антихристианской реакции в Римской империи IV в. н. э.», СА, 1962, № 4, стр. 228 сл.

<sup>51</sup> К. В. Тревер, Сенмурв-Паскудж, собака-птица, Л., 1937, стр. 51, рис. 6.

<sup>52</sup> К. В. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства, М.—Л., 1940, табл. 11.

<sup>53</sup> E. Peterson, *Εἰς θεός*, Göttingen, 1926.

<sup>54</sup> L. Jalabert et R. Mouterde, *Inscriptions grecques et latines de la Syrie*, II, P., 1939, №№ 567, 611 и 617.

носятся, судя по шрифту, и цебельдинский медальон. Монотеистическая тенденция, выраженная в этой надписи и имеющая корни в иранских и сиро-иудейских религиозных представлениях, несомненно, близка христианству (там же, № 567: Εἰς Θεὸς καὶ ὁ Χριστὸς αὐτοῦ...), но с ним, однако, не совпадает. Не лишено интереса сочетание на цебельдинском медальоне этой надписи и горгонеиона, что представляется, видимо, достаточно поверхностным и случайным.

##### 5. Греческая надпись на воротах Тигранокерты

В 1908 г. К. Ф. Леманн-Гаупт опубликовал греческую надпись<sup>55</sup>, прочитанную им на воротах древней крепости Майяфаркин (позднее Фаркин в турецкой Армении, к северу от верховьев р. Тигра), отождествленной им и затем И. Марквартом<sup>56</sup> с древнеармянской Тигранокертой (у римлян также еще именовавшейся *civitas Arzanenae*)<sup>57</sup>.

Ввиду позднейшей перекладки ворот надпись была найдена не *in situ* и в весьма фрагментарном состоянии. Лакуны ее столь велики, что несмотря на все попытки восстановления, предпринятые лучшими немецкими филологами и эпиграфистами своего времени — У. Вилламовицем-Мёллендорфом, Гиллер фон Гертрингеном, В. Диттен-еергером (OGIS, II, стр. IV) и Т. Нёйдеке, не удалось добиться связного ее чтения. Вероятно, этим лишь и объясняется, что надпись весьма мало использовалась в качестве источника для истории Армении IV в. — времени, к которому она относится как по характеру шрифта, с большим количеством лигатур<sup>58</sup>, так и по содержанию, насколько оно угадывается из фрагментов.

В нашей литературе этой надписи вскользь касался Я. А. Манандян<sup>59</sup>, кроме того, она была переиздана по рисунку из названной книги Леманн-Гаупта К. В. Тревер<sup>60</sup>, однако без полной ее транскрипции. В своем пространном комментарии к надписи К. В. Тревер, принимая дату, предложенную Леманн-Гауптом, толкует содержание отрывков в том смысле, как если бы в них шла речь о подавлении восстания местного населения, поднятого им против знати. Так, слова отрывка (C): ἀνέζη ἡ πολιτεία ὅρων καὶ ἐπολέμεν... она переводит: «ваша община восстала и вела борьбу...», что, по-моему, вряд ли верно уже по одному тому, что слово *полιτεία* в данном случае должно обозначать не общину как конгломерат граждан, а лишь самый город как географический пункт. Что это именно так, явствует как будто бы из отрывка (B), где это слово фигурирует именно в таком значении: *πολιτῆαν εἰς Νέκρ[αν]*<sup>61</sup>.

Еще дальше идет Г. Х. Саркисян, широко использующий тигранокертскую надпись для характеристики отношений между царем и городской общиной древней Армении<sup>62</sup>. Не имея возможности в этой заметке входить в обсуждение всех поднятых

<sup>55</sup> C. F. Lehmann-Haupt, Eine griechische Inschrift aus der Spätzeit Tigranokertas, «Klio», VIII, 1908, стр. 497 сл.; он же, Armenien einst und jetzt, B., I, 1910, стр. 410 сл.; II, 1, 1926, стр. 400 сл.; II, 2, 1931, стр. 985 сл.

<sup>56</sup> J. Marquart, Südarmenien und die Tigrisquellen, Wien, 1936, стр. 86 сл.

<sup>57</sup> См. у Эвтропия (VI, 9) — наименование, которое Леманн-Гаупт («Klio», VIII, стр. 515) на основании контекста возводит к Лукуллу.

<sup>58</sup> Lehmann-Haupt, Armenien einst und jetzt, I, стр. 418.

<sup>59</sup> Я. А. Манандян, О торговле и городах Армении, Ереван, 1929, стр. 148.

<sup>60</sup> К. В. Тревер, Очерки истории культуры древней Армении, М.—Л., 1953, стр. 283 сл.

<sup>61</sup> Возможность подобного употребления слова *полιτεία* удостоверяется для IV в. папирологически (L. Mitteis und U. Wilcken, Grundzüge und Chrestomathie des Papyruskunde, II, 1, Lpz, 1912, 78,6). Вопросу о значении слова *полιτεία* в позднеантичных документах посвящена статья Ф. Папазоглу (F. Parazoglou, Une signification tardive du mot *полιτεία*, REG, XXII, 1959, № 339—343, стр. 100 сл.), в которой приводятся примеры употребления его для обозначения города с относящейся к нему территорией.

<sup>62</sup> Г. Х. Саркисян, К истории городской общины в Армении, ВДИ, 1955, № 3, стр. 48 сл.

Г. Х. Саркисяном вопросов, считаю необходимым коснуться лишь той части его изложения, которая относится к пониманию самого текста надписи.

Г. Х. Саркисян отвергает дату надписи, предложенную Леманн-Гауптом, и принимает более раннюю дату Маркварта, опираясь на его же доводы. Это обстоятельство, не столь существенное само по себе, приводит его, однако, к ошибочному, с нашей точки зрения, истолкованию смысла некоторых выражений надписи. Так, виновниками государственных бед и зачинщиками войны против царя на стороне персов в надписи представлены некие *ἀρχοί*, относительно которых говорится, что их враждебные дела и имена хорошо известны народу (С, 6): *μ]όνους τοὺς ποιήσαντας τὰ τοιαῦτα γεινώσχετε*. Эти *ἀρχοί* толкуются Г. Х. Саркисяном как «городские власти» (*αἱ ἀρχαί*), что явствует, в частности, из его перевода строк 4—6 отрывка (С): «но не следует покинутую крепость оставлять пустой; по этой причине мы передали ее нашему войску, чтобы ни в коем случае не последовало чрезмерного своеволия или снова не восстала против нас и не начала войны какая-либо часть властей (?)» (стр. 55); в греческом тексте *ἡ μέρ[ος τῆς αὐτῆς ἐπαναστῆ καὶ πολεμίσῃ τῶν ἀρχῶν πρὸς ἡμᾶς*. Между тем этот отрывок представляется нам гораздо более понятным, если считать, что крепость опустела после ухода (вместе с дружиной) к персам владевшего ею нахарара, восстание и войну которого имеет в виду надпись: «чтобы снова кто-либо из владельцев не набрался большей дерзости, не восстал и не начал войны со мною». Понимание *τῶν ἀρχῶν* как родительного падежа множественного числа от *αἱ ἀρχαί* представляется нам невозможным потому, что в надписи речь идет явно не о каких-либо отвлеченных «властях», а о совершенно конкретных и известных жителям Тигранокерты носителях этой власти.

Что же касается самого городского населения, то именно к нему, видимо, и прилагается в надписи эпитет *δοῦλοι* — «рабы» (*πρὸς δοῦλους ἡμῶν ἐγράψαμεν*, С, 2), о чем Г. Х. Саркисян ввиду противоречия этого места его пониманию данной надписи даже не упоминает. Между тем, если представить себе вместе с Леманн-Гауптом, что надпись составлена от имени царя Папа (или его отца Аршака II), а фигурирующие в ней *οἱ ἀρχοί* — его непослушные и фрондирующие сатрапы-нахарары, то из наличных отрывков надписи могут быть извлечены данные, определенным образом характеризующие процесс консолидации и феодализации Армении в IV в., в существенных чертах подтверждающие сообщения тогдашних римских и армянских историков, в первую очередь Аммиана Марцеллина и Фавста Бузанда.

В начале первого отрывка (А) сохранившейся части надписи упоминаются области Матигена (*ἐκ τῆς πέρας τ]οῦ Εὐφρά[του] Ματ[ια]ς*), Мелитена (*ἐκ] Μελιτίας*), Коммагена и Озроэна (*ἐκ [Κομ]αγίας καὶ Ὠ[ρό]ω[τη]ς*<sup>63</sup>), из которых, по-видимому, происходили римские гарнизоны, посланные, как это отчасти явствует из дальнейшего текста надписи и вполне согласуется с историческими данными<sup>64</sup>, в помощь армянскому царю «для убогатворения предков и для подавления врагов» (*τῆς τῶν προγόνων εὐτυχίας καὶ ἐχθρῶν ἀναστάσε[ω]ς*). При этом само выражение, определяющее этих врагов (*ἐχθροί*), и дальнейшие относящиеся к ним слова текста подсказывают, что речь в данном случае идет о врагах внутренних. Благополучие и целостность царства (*βασίλει[α] βελτιότερα καὶ ἄσθαρτα*) ставятся далее в связь не только с римлянами, но и с персами, царь которых соответственно его титулатуре, неоднократно засвидетельствованной для этого времени эпиграфически, именуется *ὁ θεὸς βασιλεὺς τῶν βασιλέων*.

Зависимость целостности и благополучия царства от отношений с римлянами и персами становится ясной в особенности из отрывка второго (В), где говорится о римском гарнизоне, расположенном в городе Некре<sup>65</sup> (или Некране) — *τὴν δύναν μιν ἦν οἱ;*

<sup>63</sup> Следует обратить внимание на написание этих наименований, в окончаниях весьма отличное от общепринятого греческого и, вероятно, воспроизводящее формы, употреблявшиеся в древней Армении.

<sup>64</sup> A m m. M a r c e l l., XXVII, 12,4 сл.

<sup>65</sup> Определение местонахождения этой крепости является заслугой И. Маркварта ук. соч., стр. 175 сл.), отождествившего ее с одноименным пунктом, расположенным

Ρωμαῖοι εἰς Νέκραν ἔσχαν) и о дарственной грамоте, полученной пыне от персидского царя (καὶ διὰ τὸ ἀπροσδόκητον τίτλησιν ὁ ὁ θεὸς βασιλεὺς τῶν βασιλέων σήμερον [ἐπέστειλε πρὸς ἡμᾶς]). При этом надпись ссылается на «предвидение богов» (πρ[ο]νοία τῶν θεῶν) и на Тύχη ἡμετέρα.

В следующем отрывке (C), наряду с употреблением по отношению к подданным выражения «мои рабы»<sup>66</sup>, высказываются угрозы тем из вассалов (τῶν ἀρχῶν); по чьей вине «отложился ваш город и воевал вместе с персами против моего отца» (ἀνέζη ἡ πολιτεία ὑμῶν καὶ ἐπολέμαυ με[τὰ τῶν Περσῶν πρὸς πατέρα μου), а также говорится о принятии мер, долженствующих воспрепятствовать подобному поведению вассалов и предпринимаемым ими против царя войнам.

Наконец, в последнем отрывке (D) отдается распоряжение утвердить эту надпись на воротах Тигранокерты (ἐπὶ πόρταν παγῆναι) и других городов (τῶν ἄλλων πόλεων) для всеобщего сведения. Вряд ли можно при этом придавать какое-либо значение социологического характера тому обстоятельству, что в данном случае в надписи употребляется слово πόλις, а не πολιτεία, как в двух предшествующих. Объясняется это скорее всего просто тем, что слово πολιτεία малоупотребительно во мн. ч.

Исходя из палеографических данных, в особенности же из общего смысла текста, К. Ф. Лемани-Гаупт отнес эту надпись к началу 70-х гг. IV в., ко времени краткого царствования царя Папа, павшего жертвой борьбы с церковными и светскими вассалами (каатоликосом Нерсесом и пахарарами) за сохранение независимого положения между Персией и Константинополем — Шапором II и императором Валентом<sup>67</sup>. Против этой атрибуции надписи высказался, однако, И. Маркварт (ук. соч., стр. 134 сл.) на том основании, что тигранокертская надпись составлена от лица язычника, а не христианина, каковым был царь Пап, хотя последний, как это признает и сам Маркварт, активно боролся, по свидетельству историка Фавста, с христианской церковью. Маркварт полагает, что надпись следовало бы отнести к языческим временам армянской истории, по крайней мере на столетие раньше даты, предложенной Лемани-Гауптом (там же, стр. 158 сл.).

Действительно, если присутствие в надписи титулатуры Шапора, именующей его богом (ὁ θεός), может быть объяснено чисто дипломатическими соображениями, то упоминание о «промысле богов» и о «царской Тихе» свидетельствует с несомненностью о приверженности составителя надписи к языческим религиозным представлениям. Однако из Фавста известно, что именно царь Пап не только отменил десятину и не раз подвергал секвестру церковные земли, но, используя недовольство низших слоев населения Армении поборами быстро феодализировавшейся на основе развитой античной храмовой собственности церкви, пытался возродить древние родовые культы (Faust., V, 31). Он также боролся с монастырскими общинами из экономических побуждений, а с церковной верхушкой — из политических, поскольку она пыталась

в поздневизантийскую эпоху в феме Лабара (на правом берегу верхнего Евфрата) и упомянутым у Анны Комнины (τὸ Νέκραν, Alex., XIII, 12).

<sup>66</sup> Наименование подданных рабами в древней Армении вполне согласуется с тем, что сообщают источники о социальных отношениях в Парфянском и Сасанидском царствах, с которыми Армения того времени имела весьма много общего. Разумеется, под этим собирательным термином «рабы» подразумеваются различные степени зависимости (ср. Я. А. М а н а н д я н, Заметки о феоде и феодальном войске Парфии и аршакидской Армении, Тифлис, 1932, стр. 4). Применительно же к контексту тигранокертской надписи следует заметить, что составитель ее стремился, видимо, подчеркнуть то обстоятельство, что его подданные подчинены именно ему, являясь его рабами, а не рабами его вассалов. Не следует забывать при этом, что понятие «рабы» в общем смысле, быть может, здесь не далеко от того, которое имел в виду Геродот (IV, 20), говоря, что скифские племена почитаются рабами у скифов царских (см. выше).

<sup>67</sup> См. A. S o l a r i, Il non intervento nel conflitto tra la Persia e Valente, «Klio», XXVI, 1933, стр. 116 сл

отвратить его от Персии и подчинить Константинополю, что в корне противоречило его собственным интересам. Он боролся и с нахарарами, посягавшими на суверенитет и целостность царства. В частности, из Фавста (IV, 50) известно об отпадении при отце Папа Аршаке II и переходе на сторону Шапора бдешха Алдзника — области, в которой находилась Тигранокерта. Не это ли событие как раз и затрагивается в тексте тигранокертской надписи, в отрывке третьем (С)?

Антихристианские тенденции были во второй половине IV в., несомненно, еще очень сильны в Армении и не только среди простолюдинов, приверженного к традиционным верованиям, но и среди знати. Фавст (IV, 23) сообщает, что отложившиеся от Аршака II и перешедшие к Шапору II сатрапы изменили не только своему царю, но и христианской вере, приняв маздеизм и огнепоклонство. В особенности же антихристианские тенденции должны были усилиться в связи с религиозной политикой императора Юлиана, нашедшей живейший отклик именно на Востоке — в Египте и Сирии, когда в Александрии, а также в Гелиополе (Баальбеке), Аретусе и Востре в 361—362 гг. имели место резкие антихристианские эксцессы<sup>68</sup>.

Свидетельством этих антихристианских настроений служит и тигранокертская надпись, отдаленная от времени правления императора Юлиана, вероятнее всего, лишь немногими годами. К тому же она является не единственным эпиграфическим документом этого рода: недавно опубликованная греческая метрическая надпись из Озроэны (Султан-тепе<sup>69</sup>), относимая ее издателем к 362 г. н. э., составлена совершенно в языческом стиле и содержит посвящение нимфам, харитам и Пафии (Пафосской Афродите), с упоминанием богини-целительницы Панакии. Так что тигранокертская надпись, если она принадлежит именно царю Папу, явилась бы весьма ярким и характерным идеологическим документом своего времени. В известную связь с ней должна быть поставлена и рассмотренная надпись на сухумском светильнике, свидетельствующая о религиозных явлениях, близких христианским, но явно антихристианского направления.

После всего сказанного атрибуция тигранокертской надписи, предложенная Леманн-Гауптом, представляется весьма заманчивой, а возражения Маркварта едва ли убедительными<sup>70</sup>. Однако и независимо от того, принадлежит ли эта надпись царю Папу или кому-либо из его предшественников, она является весьма важным памятником политической и идеологической борьбы, происходившей в Армении в IV в. н. э., в эпоху ее феодализации и в первые времена христианства<sup>71</sup>.

Л. А. Ельницкий

<sup>68</sup> A m m. M a r c e l l., XXII, 5, 2; 11, 3 сл.; ср. Н. L i e t z m a n n, *Geschichte der alten Kirche*, В., III, 1953, стр. 267.

<sup>69</sup> M. R. E. G o u g h, *A Bath Inscription from Osrhoene*, JHS, LXXIV (1954), стр. 179 сл.; ср. «Новые документы антихристианской реакции в Римской империи IV в. н. э.», СА, 1962, № 4, стр. 228 сл.

<sup>70</sup> Убедительность атрибуции Леманн-Гаупта признал также и В. Минорский в «Encyclopédie de l'Islam», т. 39, 1929, стр. 167, s. v. Maiyafarikin. Вопросу хронологии тигранокертской надписи посвящена наша заметка «О датировке тигранокертской надписи», «Историко-филологический журнал», 1961, № 2, стр. 206 сл.

<sup>71</sup> Следует мимоходом заметить, что эпиграфика Тиридата III — царя, при котором Армения официально стала христианской, тоже еще не содержит никаких признаков этого, а если правильно наше восстановление гарнийской надписи, то имеет кроме того и явно языческие черты (см. ВДИ, 1958, № 1, стр. 146 сл.). В статье, озаглавленной «К спору о датировке тигранокертской греческой надписи» («Историко-филологический журнал», 1962, № 1, стр. 226 сл.), Г. Х. Саркисян настаивает на справедливости своего истолкования содержания и хронологии этой надписи, высказанного им в вышеуказанной статье в ВДИ и развитого позднее в книге «Тигранокерт. Из истории древнеармянских городских общин», М., 1960, стр. 85 сл.